

Е. Д. КУКУШКИНА

САТИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ СУМАРОКОВА КАК КОНТЕКСТЫ ЕГО КОМЕДИЙ

В статье «Проблемы изучения русской литературы XVIII века», опубликованной в 1940 г. во втором сборнике «XVIII век», Г. А. Гуковский писал: «...несмотря на обилие накопленных материалов, многого нам еще недостает, и общие наши представления о русской литературе XVIII в. во многом еще не полны, а иногда даже неверны — просто из-за неполноты наших фактических сведений, из-за недостаточности изучений, частных и общих <...>. Мы должны уметь читать стихи и прозу XVIII столетия так, как их должны были читать современники <...> должны научиться улавливать общее направление смысла произведения <...> в системе образов этой эпохи, в системе стиля данного поэта <...> в конкретной связи с событиями социальной действительности, его окружавшей».¹ В какой-то мере эти задачи продолжают оставаться актуальными и для понимания творчества А. П. Сумарокова.

40 лет спустя, в 1980 г., публикуя корпус писем А. П. Сумарокова, В. П. Степанов отметил в комментариях их связь с литературными произведениями, что выразилось в цитациях собственных притч, трагедий, посланий. Наблюдения В. П. Степанова позволили взглянуть на литературное творчество Сумарокова под новым углом зрения.

Для творческой манеры Сумарокова, наряду с цитациями собственных текстов, характерны развернутые автореминисценции.

¹ *Гуковский Г. А.* Проблемы изучения русской литературы XVIII века // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 6—7.

Мотивы, темы или сюжеты, к которым он однажды уже обращался, получали развитие и новую интерпретацию в произведениях другого жанра. Вполне закономерно, что чаще всего это касалось жанров сатирических. Придавая громадное значение литературе, Сумароков считал себя способным повлиять на нравственное состояние общества, что заставляло его снова и снова искать наиболее эффективные способы воздействия на него.

В творчестве Сумарокова, отставленного в 1761 г. от театра, комедии были заменены притчами.² Поводы и темы для них щедро предлагала повседневная жизнь. Позже, когда он снова обратился к драматургии, притчи и сатирические стихотворения стали ближайшим контекстом его комедий.

В 1760 г. в журнале «Праздное время» Сумароков опубликовал стихотворение «Цидулка. К детям профессора Крашенинникова». Степан Петрович Крашенинников — академик, исследователь Камчатки, труды которого были переведены на иностранные языки, из числа тех людей, по словам Н. И. Новикова, «кои ни знатностью породы, ни благодеянием счастья возвышаются, но сами собою, своими качествами, своими трудами и заслугами прославляют свою породу...»,³ скончался в возрасте 44 лет. Заслуги Крашенинникова перед обществом не были достойно вознаграждены, и его дети оказались в нищете. «Несчастливого отца несчастнейшие дети!» — обращается к ним Сумароков и рисует в стихотворении блестящую судьбу сирот, будь их отец «приказный человек»:

...По гербу вы бы рцы с большим писали крюком,
В котором состоят подьячески умы,
Не стали бы носить вы нищенской сумы
И статья бы могло, чтоб ездили вы жуком.
Потом вы стали бы большие господа,
Однако бы блюли подьячески порядки
И без стыда
Со всех бы брали взятки,
А нам бы сделали пуд тысячу вреда.⁴

² Салова С. А. Экспериментальная поэтика жанра притч в творчестве А. П. Сумарокова // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVII—первой трети XIX в. М., 2016. С. 84.

³ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 97.

⁴ Праздное время в пользу употребленное. 1760. 26 авг. С. 141. Подп.: [С.].

В том же году о различных судьбах, уготованных детям честных людей и детям мздоимцев, Сумароков писал в притче «Две дочери подьячих». Она завершалась словами: «Та девка по миру таскается с сумой, / А эта чванится в карете. / О Боже, Боже мой, / Какая честности худая мзда на свете!».⁵ В это время Сумароков стал тревожиться о судьбе своей дочери, понимая, что не может дать ей достойного приданого. Позже он обратится к графу Г. Г. Орлову, а затем к императрице с просьбой позаботиться о ее будущем: «Я <...> не пекся о имении, но о словесных науках; а от того бедная моя дочь должна остаться навек девкою. Не будет ли она проклинати день рождения своего, что родилася она от пиита, а не от лихоимца и не от мздоимца <...>. Спаси меня, государыня, какими мерами можешь!».⁶

Спустя четыре года судьба сирот Крашенинниковых все еще оставалась плачевной, и Сумароков решил напомнить о них императрице в своей комедии, которая готовилась к постановке во дворце. 20 октября 1764 г. Семен Порошин, воспитатель великого князя Павла Петровича, сделал запись в своем дневнике: «...доносил я его высочеству [графу Александру Сергеевичу Строганову. — *Е. К.*] о заслугах покойного профессора Крашенинникова и о достоинствах <...> его Истории, тако ж, что его дети теперь в великой бедности, что и Александр Петрович Сумароков в новой сочиняемой им комедии представил, говоря: „...отец ездил в Камчатное и Китайское государство, а дети ходят в крашенине и потому крашенинниковыми называются“». ⁷ Порошин почти дословно цитирует текст комедии «Опекун». В пьесе эти слова получают драматургическую значимость благодаря контексту. Их произносит отрицательный персонаж с говорящим именем Чужехват. Его монолог, как и стихотворение Сумарокова, построен на противопоставлении нравственных позиций. В серьезном мировоззренческом споре драматурга со своим персонажем о чести Сумароков заставляет оппонента быть откровенным и обнаружить свою духовную ущербность. Чужехват доказывает, что следование требованиям чести лишь мешает жизненному успеху: «Честь да честь! Какая честь, коли нечего есть? <...> До чести ли тогда, когда брюхо пусто? <...> Видел я, как честный-то по-вашему, и бесчестный, а по-моему, разумный и безумный принималися. Бесчестный-ат, по-вашему, приехал, так ему стул... „Все ли

⁵ Там же. 1760. 14 окт. С. 241—243. Подп.: [С.].

⁶ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 116, 118.

⁷ Порошин С. А. Записки. СПб., 1881. Стлб. 80.

в добром здравьи? Какова твоя хозяйюшка? Детки?“ <...> А все ведают то, что он чужим и неправедным разжился. А честного-то человека детки пришли милостины просить, которых отец ездил до Китайчетова царства и был во Камчатном государстве и об этом государстве написал повесть. Однако сказку-то его читают, а детки-то его ходят по миру; а у дочек-то его крашенинные бостроки, да и те в заплатах...».⁸ Это облачение девочек — важная деталь, которой Сумароков подчеркнул степень их нищеты. Крашенинными бостроками назывались короткие мужские куртки без рукавов из крашеного холста, служившие форменной одеждой моряков военного флота.

Рассказ о комедии Сумарокова Порошин завершает словами: «К похвале Александра Сергеевича (Строганова. — Е. К.) сказать я должен, что он тут выговорил, что он весьма сожалеет, что не знал того».⁹

В пяти комедиях Сумарокова, написанных в разное время, притча играла сюжетобразующую роль. В основе пьес «Чудовищи» (1750), «Пустая ссора» (1757), «Три брата совместники» (1768), «Мать — совместница дочери» (1772) и «Вздорщица» (1772) лежит спор между супругами, связанный с выбором жениха для дочери. Инициатором спора и его движущей силой везде выступает женщина.

Небольшие сатирические новеллы о вздорной жене — спорщице имели широкое распространение в Европе. Русским читателям они были давно знакомы по фацециям, лубочным картинкам,¹⁰ а также по народным комедиям и интермедиям первой половины XVIII в. Эту фабулу Сумароков реализовал в притче «Спорщица» («Скажи, о муза, мне, какой злой гнев жену...»)¹¹ об упрямой женщине, которая убеждает мужа, что к обеду приготовлен гусь, а не утка.

Персонажей, которые были всем хорошо известны, Сумароков перенес в пространство своих комедий. Их перебранки, довольно грубые, иногда доходили до рукоприкладства. В «Чудовищах» жена дает супругу пощечину, в «Пустой ссоре» пытается высечь мужа розгами. Эти сцены продолжали смешить зрителей разных сословий. Генетическая связь с известным новеллистиче-

⁸ Сумароков А. П. Полн. собр. соч. М., 1781. Ч. 5. С. 13. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием части и страниц.

⁹ Порошин С. А. Записки. Стлб. 80.

¹⁰ Державина О. А. Фацеции. М., 1962. С. 82—90.

¹¹ Притчи Александра Сумарокова. СПб., 1762. Кн. 1. С. 26—27.

ским сюжетом была отмечена в комедии «Пустая ссора» репликой Оронта: «Ах, Салмина, Салмина, приходит мне удавиться! И камень от жару трескается, а я сорок лет на каторге, от тебя мучась, еще жив» (5; 379). В комедии «Три брата совместники»¹² Тигров, супруг героини, сетует: «Вздорная жена всего хуже на свете сем. Сколько лет я мучуся с нею! Я скажу „бело“, а она „черно“. Я „черно“, а она „бело“. Я „направо“, а она „налево“» (5; 138). В споре о том, ерши или окуни приготовлены на ужин, он вынужден уступить и, вопреки очевидному, признать правоту жены. Героиня комедии «Вздорщица», носящая имя Бурда, на вопрос мужа, почему она вдруг раздумала выдавать дочь замуж за достойного человека, отвечает: «Ради того, что не хочу». Она убеждена: «Я рассуждаю о всем прямо, а другие все криво» (6; 118—119). Ее нелепое упрямство реализуется на протяжении всей пьесы.

Вздорная упрямая жена и муж, вынужденный ей подчиниться или прибегнуть к хитрости, чтобы настоять на своем, оказывались в новой конфликтной ситуации. У Сумарокова не было необходимости обрисовывать характеры этих персонажей. Зрители легко узнавали их в первой же сцене, а пьесы обретали особый комизм, чему способствовали многие приемы, восходящие к итальянской комедии дель арте: падение персонажей, их задиристость и комические поединки.¹³ О том, что театральные зрители могут заинтересовать только те действующие лица, которые знакомы им, писала Екатерина II, размышляя о своих будущих драматических сочинениях в журнале «Всякая всячина»: «...тетушка моя <...> хочет видеть то, что ее всечасно окружает и чем она привыкла забавляться: незнакомые же гости не так забавны, как знакомые».¹⁴

Но мир притчи условен. Ее персонажи существуют вне времени и не имеют социального статуса. Они лишь носители определенного порока, в данном случае — упрямства. Герои комедий Сумарокова — провинциальные и московские дворяне, в пьесах показаны их духовная ограниченность и невежество. В комедии «Чудовищи» выбор родителями жениха для своей дочери мотивирован. Бармас надеется, что ябедник Хабзей, став

¹² Пьеса является вольным переложением стихотворной пьесы Ж. де Лафона (1686—1725) «Les trois frères riveaux» (1713).

¹³ Феррацци М.-Л. Комедия дель арте и ее исполнители при дворе Анны Иоанновны. 1731—1738. М., 2008. С. 162—163.

¹⁴ Барышек всякия всячины. 1769—1770. С. 552.

его зятем, поможет избежать семье окончательного разорения. Его жене Гидиме нравится Дюлиж, который щегольски одевается, хорошо подбивает волосы и немного знает по-французски. Позже, в комедии 1772 г. «Мать совместница дочери», у супружеской пары появились некоторые индивидуальные черты, дающие представление об их характерах. Простодушный и глуповатый Корнилий — страстный охотник на зайцев, а его жена скрывает свои неблагоприятные поступки под показным благочестием.

На старую сюжетную канву Сумароков наносит различный содержательный рисунок, состоящий из эпизодов и высказываний персонажей, в той или иной мере связанных с сюжетом. Как в калейдоскопе, где при легком повороте руки цветные стекла складываются всякий раз в новый рисунок, Сумароков в каждой пьесе создает новую художественную реальность. В «Чудовищах» в образах женихов осмеивается педантство и щегольство, делаются язвительные намеки на Тредиаковского и в пародийном виде изображено судебное разбирательство (другая редакция комедии носит название «Третьейной суд»). В «Пустой ссоре» комически изображены женихи Фатюй и Дюлиж. «Говорящее» имя Фатюй означает разиня, простофиля. Сумароков рисует образ русского провинциального дворянина-неуча, невежественного, играющего в свайку со своими крепостными, не понимающего простых оборотов речи. В связи с образом Дюлижа в «Пустой ссоре» Сумароков воспроизвел своеобразный диалект российских петиметров.

Действие пьесы «Три брата совместники» сводится к повторению сцены сватовства к одной и той же девушке трех братьев, похожих друг на друга и внешностью, и именами. Комизм ее строится на недоразумении: Тигров, его жена и дочь видят в качестве жениха одного из трех братьев, но каждый — своего. Сумароков предлагает зрителям комизм положений, освобожденный от какой-либо нравоучительности.

В комедии «Мать совместница дочери» разрешается коллизия, которая могла бы лечь в основу «слезной драмы»: мать и дочь влюблены в одного и того же юношу, поэтому мать всячески препятствует браку дочери с ним. Создавая гротескный образ матери, Минодоры, Сумароков использовал новый художественный прием: пытаясь говорить по-французски, Минодора путает созвучные слова, что вызывает комический эффект. По-видимому, во время работы над комедией эта характерологическая черта героини была сжата Сумароковым до размера притчи.

Шалунья некая в беседе
 В торжественном обеде
 Не бредила без слов французских ничего,
 Хотя она из языка сего
 Не знала ничего.
 Ни слова одного.
 Но знанием хотела поблистати
 И ставила слова французские не кстати.

Притча завершается назидательной насмешкой:

Сказала мужу между тем: я еду делать кур.
 Сказали дурище, внимая по-соседски:
 Какой плетешь ты вздор,
 Кур делают наседки.¹⁵

Название «Шалунья», под которым притча была опубликована Н. И. Новиковым в Полном собрании сочинений Сумарокова, возникло, по-видимому, не случайно. В языке XVIII в. слово «шалость» имело значения: дурачество, глупость вредная и непристойная, блудни.¹⁶ Такой семантический ореол мог ассоциироваться с героиней комедии Милодорой, которая слишком вольно вела себя с женихом дочери. В финале пьесы Милодора соглашается на ее брак, опасаясь разоблачения перед мужем.

Одна из последних комедий Сумарокова, «Вздорщица», названа по основной, отчетливо проявленной черте характера героини. Из текста пьесы видно, что репутация Бурды как вздорной барыни не ограничивается стенами дома, а широко известна и в городе. Однако не она главное действующее лицо пьесы. Решительно отказываясь выдать дочь замуж за Ераста, Бурда лишь создает драматургический конфликт, который должны разрешить другие персонажи.

«Вздорщица» обнаруживает прямые аналогии с другими пьесами Сумарокова. Его попытка несколько усложнить характер Бурды, когда она одобрительно отзывается о муже: «...а я ему никогда не делала измены, да и ныне его люблю. Человек он добрый и неглупый...» (6; 126), напоминает комедию «Рогоносец по воображению», в которой с симпатией изображена супружеская пара Хавронья и Викул. Смягчение карикатурности прида-

¹⁵ Опубликовано под названием «Куры»: Модное ежемесячное издание. 1779. Ч. 1. Март. С. 235; Под названием «Шалунья»: Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 7. С. 197.

¹⁶ Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. VI. Стлб. 849.

вало комедийным персонажам жизненные черты. Влияние трагедийной стилистики сказывается в монологе Розалии, ожидающей помощи от ворожей: «Надежда ободряет меня, а страх во трепет меня приводит» (6; 144).

Сумароков затронул во «Вздорщице» и общие темы комедииографии того времени. Высмеиванию суеверия были, в частности, посвящены комедии Екатерины II «О время!» (играна в начале года) и «Именины госпожи Ворчалкиной», написанные в том же 1772 г.

Комедия «Вздорщица» насыщена фольклорными мотивами, причем это проявляется не только в частом употреблении пословиц и поговорок. Динамичные, полные иронии и сарказма диалоги слуг Розмарина и Финетты с Бурдой напоминают диалоги барина со слугой, мужиками или трактирщиком русской народной драмы.

Главным персонажем «Вздорщицы» предстает Дурак. Он существенно усиливает сатирическое звучание пьесы. С этим образом связаны развертывание и сценическая реализация двух притч Сумарокова под названием «Блоха». Первая была опубликована в книге притч в 1762 г.¹⁷ Блоха, сидя на слоне, упивается гордостью и собственным величием, но падает с него. Вторая притча напечатана в 1769 г. во «Всякой всячине»: «Блоха, подъемля гордо бровь, / Кровь барскую поносит, / На воеводство просит: / Достояна я, кричит, во мне вся барска кровь. / Ответствовано ей: на что там барска слава? / Потребен барский ум и барская расправа».¹⁸

Образ Дурака в комедии Сумарокова прочно связан с многовековой традицией русской бытовой сказки, в которой дурак и шут выступают как главные действующие лица. Их роднит обесмысливание «привычных житейских отношений, поступков и представлений», вскрытие «абсурда, в них заложенного, но не всегда заметного рутинному уму».¹⁹ Какие-то черты, присущие Дураку (наивность, непонимание новых бытовых реалий), проглядывали в Фатюе, персонаже комедии «Пустая ссора», когда он рассказывает о своей попытке сыграть партию в бильярд.²⁰

¹⁷ Притчи Александра Сумарокова. СПб., 1762. Кн. 1. С. 25—26.

¹⁸ Всякая всячина. 1769. С. 34. (Без подписи); Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. М., 1787. Ч. 7. С. 283.

¹⁹ Юдин Ю. И. Дурак, шут и черт. (Исторические корни бытовой сказки). М., 2006. С. 84.

²⁰ См.: Феррацци М.-Л. Комедия дель арте... С. 176.

Пестрая одежда и необычная шапка, которую носит Дурак в пьесе, — шутовские атрибуты. Но шут в сказке — ловкий хитрец и обманщик, он активен и добивается своей цели. Дурак, персонаж комедии «Вздорщица», пассивен и его функция сводится к оценке обыденных жизненных ситуаций.

Реализация сказочной метафоры, заложенной в прозвище имени Дурак, происходит на протяжении всей пьесы, наполняясь новым смыслом, актуализируясь для выражения нового сатирического содержания. Функция Дурака двойкая. Он может быть и субъектом, и объектом смеха. Зрители могли смеяться над тем, что Дурак не понимает метафоричность поговорки «плясать по дудке», не различает значения слов клоб—клоп, не понимает, почему грабители сняли с него кафтан, «вить у них кафтаны есть», считает, что «солнце-то и месяц не испорчены еще и поныне», потому что «встарь» сделаны. В то же время Дурак «применяет к миру и людям мерки, обнаруживающие его неизменное желание добра и справедливости».²¹ В своих логических построениях Дурак не подчиняется сословной идеологии и потому легко проникает в суть вещей. Притчи о блохе приобретают новое сатирическое звучание в диалоге Дурака с Розмарином. Услышав от слуги, что «господская кровь, говорят, почтеннее» крови простых людей, Дурак приходит к мысли: «...когда барская кровь лучше нашей, так и блоха та почетнее, которая кровь барскую сосет. <...> О! Так блохи-то высокого ранга. Мне кажется, что перед ними надо и шапки скидывать» (6; 115).

Сумароков на шаг останавливает своего персонажа перед умозаключением, которое могли сделать зрители: люди «высокого ранга», перед которыми скидывают шапки, могут оказаться, в сущности, ничтожными, как блохи.

«Вздорщица» периодически ставилась в театрах Санкт-Петербурга и Москвы до 1787 г. Динамичная, наполненная юмором, она прекрасно подходила для любительской сцены. По воспоминаниям известного актера Михаила Семеновича Щепкина, в десятилетнем возрасте, будучи учеником судженского училища (г. Суджа Курской губ.), он вместе с товарищами участвовал в представлении «Вздорщицы». Под руководством учителя И. И. Федюшина дети разучили комедию и сыграли ее сначала в училище, в канун масленицы 12 февраля 1800 г., а затем, 15 февраля, в доме городничего К. С. Пузанова, по случаю бракосочетания его дочери. Все роли исполнили мальчики, кроме роли Розалии, ко-

²¹ Юдин Ю. И. Дурак, шут и черт. С. 111.

тору сыграла сестра Щепкина Александра. Ему досталась роль слуги Розмарина. Городничий обратился к гостям со словами: «Я вас угощу тем, что еще никогда здесь не бывало, и как стоит город наш, такого чуда еще не было <...>. Просто животики надорвешь». Пьеса имела большой успех у зрителей. Это было первое театральное представление в городе.²²

В конце XVIII и в начале XIX в. образ Дурака воспринимался зрителями только как комическая фигура. В последующие эпохи человек «не от мира сего», который остраненно (термин В. Б. Шкловского) оценивает привычные житейские отношения, поступки и представления, вскрывая их абсурдность, будет занимать заметное место в литературе, приобретая порой трагическое звучание.

Включение поэтических тем и мотивов в художественную ткань комедий было следствием постоянного существования Сумарокова в мире собственных идей и образов. Эта особенность стала отличительной чертой его творческой манеры. В недрах сатирических жанров, в том числе и комедий, зародились новые выразительные средства.

²² Записки актера Щепкина. М., 1988. С. 47—58, 325—326.